

Цзян Умянь жестом предложил Чжао Чэну продолжать.

Причина оказалась столь нелепой и забавной, что советник Чжао, рассказывая, невольно глядел на мир с глубоким сомнением в здравом смысле окружающих.

— Ходят слухи, господин уездный судья, будто вы — явившийся из самого Фэнду жнец душ, коему велено собирать человеческие жизни в мире смертных. И якобы каждый, кто нанимается на службу в управу, уже наполовину переступил порог царства мертвых.

Фэнду? Вестник смерти?

Цзян Умянь на мгновение заподозрил, что окончательно лишился рассудка от бесконечных государственных забот и попросту разучился понимать человеческую речь. В самом деле, что у него могло быть общего с этим жутким порождением народной фантазии?

В Великой Чжоу издавна верили: боги безраздельно властвуют на заоблачных высотах, духи находят вечный приют в глубинах подземного царства, а человеку отведено место между небом и землей. Легендарный Фэнду почитался столицей этого загробного мира, которой правил великий Северный Император Бэйтай. В его непосредственном подчинении находились безжалостные вестники смерти, сновавшие между явью и навью, дабы забирать жизни смертных. Чтобы прослыть подобной тварью, требовалось соблюсти по меньшей мере два условия: пролить реки крови и рыскать исключительно под покровом ночи. Обычно под это описание в умах простого люда подходили разве что свирепые Парчовые стражи.

Цзян Умянь мысленно сопоставил себя с ними.

«Убивал ли я без счета?»

Если бы обращенных в прах живых мертвецов из его прошлой жизни на исходе времен можно было счесть людьми, он бы точно возглавил список величайших палачей.

«Рыскаю ли я под покровом ночи?»

Если припомнить его недавний полуночный дозор на улицах уезда Шаоюань, то это обвинение еще можно было с натяжкой признать справедливым.

Цзян Умянь лишь молча вздохнул. Стоило явиться на службу в уезд Шаоюань, как живые люди без его ведома перевели его в разряд выходцев с того света.

— И откуда взялась эта нелепица? — помрачнев, спросил советник Линь.

Линь Шоюань не сомневался, что имеет дело с досужими вымыслами, и на то были веские

причины. Не стоило забывать, что этот почтенный муж в прошлом был даосом: предсказывал судьбы по звездам, плавил пилюли в горниле да изгонял злых духов. Словом, в делах загробного мира он разбирался получше прочих.

А у знающих людей в ходу два незыблемых правила: «без человека пред очима лица его не разглядывай» и «без восьми знаков судьбы не прорекай». Иначе, коли станешь предсказывать наобум да лгать без зазрения совести, навлечешь на себя гнев Небес. Цзян Умянь никогда не поверял своих знаков рождения никому, кроме достопочтенного учителя. Стало быть, здешний прорицатель действовал наобум. А раз так, то все эти толки — чистейшей воды обман.

Будучи самым старшим и опытным среди присутствующих, бывший даос прекрасно понимал, какой вред могут нанести подобные бредни. Если не рассеять этот туман сейчас, пострадает репутация уездного судьи. Чего доброго, столичные цензоры прознают, накатают донос во дворец — и прощай блестящее поприще!

— Коли идти прямо от пристани, версты три отмерить, повернуть на восток, а там еще шагов тридцать отсчитать — наткнешься на кабак, — принялся объяснять Чжао Чэн. — Хозяин заведения повздорил с каким-то малым, что набивался в стражники. Старик наотрез отказал ему, а в разгаре ссоры и выболтал истинную причину.

Упомянутый причал когда-то служил мятежникам для тайного подвоза провианта, и от здания управы находился порядочно далеко. Сегодня советник Чжао допоздна засиделся, обмеряя земельные границы и составляя подробную карту уезда Шаоюань. Когда он закончил, небо уже выткали первые звезды. Чтобы успеть к ужину, пришлось срезать путь через задворки. Кто же знал, что короткая дорога принесет столь занятные вести.

Даже сам уездный судья не ожидал столь причудливого оборота дел. Видно, недавняя расправа над мятежниками и конфискация их имущества навели на местных жителей такой ужас, что они не смели пикнуть открыто, зато втихомолку шептались, постепенно превращая сурового чиновника в грозное порождение преисподней. Впрочем, беда была невелика. Слухи в Великой Чжоу ползли медленно, застревая на бездорожье. До взрывного распространения информации, привычного для его родного века, здешним краям было далеко.

Цзян Умянь привычным жестом занес перо над бумагой и, сделав пометку, небрежно бросил Чжан Жуну:

— Через пару-тройку дней вели своим людям пустить в народ новые слухи. Да разукрась их погуще. Пусть болтают, будто у судьи Цзяна лицо синее, клыки наружу, а глазища — точно медные колокола, и сам он — первейший слуга Северного Императора Бэйтая. Или наоборот, пусти слух, что уездный судья — это сошедший с небес Звездный Владыка, тайно странствующий среди смертных...

Он перечислил еще десяток подобных небылиц, с каждым разом рисуя всё менее человеческий облик «судьи Цзяна».

Советник Чжан слушал это, постепенно теряя дар речи. Привычная улыбка сошла с его лица. Он уже начал сомневаться, в своем ли уме его начальник: вместо того чтобы опровергать глупые толки, тот решил собственноручно подлить масла в огонь!

Зато Линь Шоуюань наглядно доказал, что улыбки не исчезают бесследно, а лишь переходят от одного к другому. С каждым словом уездного судьи глаза старого даоса разгорались всё ярче. В конце концов он звонко хлопнул себя по ладони и воскликнул:

— Блестяще! Какая тонкая игра!

Цзян Цю и Чжао Чэн лишь недоуменно переглядывались, искренне не понимая, какую утку пытается вырастить их господин. Впрочем, разгадка не заставила себя долго ждать.

А дело уходило корнями в устройство быта переселенцев.

Прежде Цзян Умянь приказал завести на прибывших беженцев отдельный реестр, куда заносились не только имена, но и ремесленные навыки каждого. Списание это походило на обычную перепись, но имело свои особенности. Люди поначалу тревожились, а самые смелые пытались разузнать, к чему клонит новая власть. Со временем, когда советник Чжан начал по этой книге вызывать на работы, вести учет и выдавать плату, пересуды утихли.

Но кое-кто по-прежнему лелеял тайную надежду — обрести постоянное пристанище и получить законные грамоты на землю в уезде Шаоюань. Одним из таких мечтателей был Лу Юй — тот самый парень, что некогда набрался дерзости спросить у уездного судьи, когда же их наконец покормят.

Сам Лу Юй — или, как его ласково звали близкие, Чэнь-гэер — происходил из простой крестьянской семьи уезда Пинцзян, что граничил с Шаоюанем. На их семейном наделе зрел добрый рис, и жили они хоть и небогато, но нужды не знали. Когда вспыхнул мятеж, отчий дом превратился в пепелище, а сам юноша, лишившись родных, побрел по дорогам вместе с толпами неприкаянных беженцев, пока судьба не забросила его сюда.

Новый уездный судья казался ему человеком загадочным. В отличие от уездного судьи Пинцзяна, который видел в переселенцах лишь чумное поветрие и гнал их взащей, здешний чиновник не выказывал ни брезгливости, ни высокомерия. Впрочем, и святым благодетелем его назвать было трудно. Истинные праведники раздают похлебку да подают милостыню просто так, порой искренне сострадая, а порой — упиваясь собственной щедростью. Господин Цзян поступал иначе: он предлагал работу, сытный стол и честную монету.

Лу Юй поначалу отнесся к этому с недоверием. В памяти еще была жива история его отца, который когда-то нанимался в город к богатому купцу. Управляющий тогда сладко пел, обещая расплатиться через полмесяца, а когда срок подошел — велел вышвырнуть бедняка за ворота,

обозвав побирушкой. Верные слуги переломили отцу ногу, и с тех пор в ненастную пору старик страдал от невыносимой боли, не смыкая глаз ночами.

Юноша боялся, что уездный судья окажется таким же безжалостным мироедом. Но к его изумлению, в первый же день их сначала досыта накормили, затем дали работу, а к вечеру выплатили всё до единого медного гроша! Слово судьи оказалось тверже кремня.

— О чем задумался, Чэнь-гэер? Ешь давай, дома мы такого отродясь не видывали! — с набитым ртом пробормотал сидевший напротив Ван Минь.

С точки зрения самого Цзян Умяня, пища была скудной и пресной. В огромных котлах варилось некое подобие похлебки с редкими каплями жира и едва заметными волокнами мяса, а на убой давали лишь по чаше вареного проса. Но для простых пахарей, привыкших к скудному рациону, такое кушанье казалось роскошным праздничным пиром во время жатвы: наваристо, солоно, сытно. Набьешь утробу — и сил хватит до самой зари спину гнуть.

Лу Юй зачерпнул полную ложку и, проглотив, тихо ответил:

— Думаю, когда нам позволят здесь осесть.

Все, кто был ему дорог, сгинули в пожаре войны. Ему было всё равно, где коротать век — в Пинцзяне или Шаоюане. И раз уж здесь давали работу беженцам, имело смысл поднакопить медяков, дожидаться, пока позволят получить местную запись в книгах, а там — построить избу и пустить корни в новую землю.

— Сменить долю? — Ван Минь вспомнил слова советника Чжана. Тот ведь обещал, что усердным работникам откроют путь к новой жизни. Но как заслужить эту милость?

Спустя несколько дней Чжан Жун объявил новые порядки. Людей разбили на строительные артели, ввели строгий учет: пришел на работу — получи клеймо в свиток, уходишь вечером — изволь снова отметиться. Сперва крестьяне лишь растерянно чесали затылки от этих премудростей, но исправно подчинялись: без отметки денег не видать.

К тому же уездный судья установил награду: лучшей артели по итогам дня полагалось мясо, по итогам декады — серебро и угощение, а те, кто продержится во главе списка три декады подряд...

—...получат законное право именоваться жителями уезда Шаоюань! — с улыбкой провозгласил советник Чжан. — Управа выделит вам наделы, поможет обзавестись жильем и наладить хозяйство!

Толпа так и ахнула. Мужчины плакали от счастья, утирая глаза заскорузлыми ладонями.

Сыты, обуты, при деньгах — о какой усталости может идти речь? Здешним мужикам, привыкшим к изнурительному труду на пашне, любые невзгоды казались пустяком, коли на кону стояло собственное будущее. Коль советник Чжан не шутит, то усердием они добудут себе новый дом! И где — в Шаоюане, под началом самого господина Цзяна, который платит звонкой монетой и кормит досыта! Настоящий отец народный, честный и справедливый!

Отныне всякий, кто посмеет сказать худое слово о господине судье, прослывет неблагодарной тварью. Таких подлецов следовало бы гнать из уезда вашей!

Сердца людей были завоеваны. Чжан Жун довольно шурился — ведь вся эта преданность шла в зачет его господину.

Когда беженцев разбили на строительные отряды, дело пошло куда резвее. Мужики трудились не щадя сил, так что надзирателям оставалось лишь проверять качество да ставить печати в ведомости. Внутри артелей соперничество уступило место согласию: товарищи охотно помогали друг другу, понимая, что от общего усердия зависит награда.

Лу Юя за его неутомимость, сметливость и готовность браться за любую черную работу выбрали старшим артели. Ради заветной грамоты он дневал и ночевал на пожарище, а по вечерам собирал своих людей, обсуждая, как сделать работу еще быстрее и вырваться в жоаки.

Другие отряды тоже не желали плестись в хвосте. Глядя, как Лу Юй распределяет задачи на следующий день, чтобы поскорее расчистить руины казенных амбаров, другие старосты начали перенимать его повадки. В этой яростной, но честной борьбе пролетела первая декада. И отряд Лу Юя заслуженно занял верхнюю строчку!

Пришло время раздавать обещанное.

Чжан Жун, чинно оправив платье, шествовал впереди с самым важным видом. Следом за ним вышагивали пять уездных стражников в новеньких красно-черных кафтанах. Каждый держал по два увесистых куска свежего мяса и паре тугих кошелей. Артели трудились по подрядному уставу — десять дней работы, один день отдыха. Советник Чжан нарочно выбрал свободный день, чтобы при всем честном народе явиться в лагерь переселенцев.

Люди уже хорошо знали советника Чжана. Обычно он охотно беседовал с ними, отвечая на любые вопросы. Заметив его приближение, мужики решили, что у уездного судьи появились новые поручения, и поспешили навстречу с поклонами.

— Доброго здоровья, господин советник! Каким бравым вы сегодня выглядите!

Не успел затихнуть приветственный гул, как ветер донес густой запах свежего мяса. Мужики невольно потянули носами, а шеи их вытянулись, точно у голодных журавлей. Стоило им разглядеть, что именно несут стражники, как у половины присутствующих едва глаза на лоб не

полезли.

Мясо! Да какое! Жирные куски с ровными прослойками сала — из такого вытопится целый горшок отличного смальца.

Чжан Жун с удовольствием отметил произведенный эффект. Дав толпе вдоволь налюбоваться подношением, он зычно провозгласил:

— Вчера минула первая декада великих трудов! Наш уездный судья лично проверил ведомости и велел мне наградить тех, кто превзошел всех усердием!

— И кто же первый? — слышалось из толпы.

— Артель Лу Юя!

— Чэнь-гэер?

— Ну да, тот самый упрямец, что вгрызается в землю так, что надзирателям приходится силой его оттаскивать!

Мужики на миг притихли, а затем зашумели пуще прежнего. Но спорить никто не решился: все видели, как пластал Лу Юй. Его люди не знали ни опозданий, ни лени. Сам староста всегда шел туда, где труднее всего, вылизывая каждый угол. Дай ему волю — он бы прямо на руинах спать укладывался. Победа его отряда была бесспорной.

Чжан Жун не стал разгонять зевак и при всех направился к Лу Юю. Тот как раз сидел с товарищами по артели, обсуждая, как ловчее убирать тяжелые бревна, чтобы удержать первенство.

Сытная жизнь пошла юноше на пользу: он уже не походил на того истощенного заморыша, что впервые предстал перед судьей. Хотя плечи его оставались узкими, щеки заметно округлились, а в глазах появилась былая живая искра.

— Староста Лу!

— Господин советник? — Лу Юй поспешно поднялся.

Под завистливыми взглядами толпы Чжан Жун вручил ему мясо и кошель с монетами.

— Это плата за ваше усердие. Можете делить прямо сейчас. А насчет мяса — коли решите сварить его на всю артель, ступайте к поварам, я их уже предупредил.

Сказав на прощание несколько ободряющих слов, советник удалился вместе со стражей. За его спиной остались стоять растроганные до слез члены артели Лу Юя.

Артель, занявшая второе место, топталась неподалеку, пожирая глазами чужую добычу. В душах мужиков шевельнулась горькая досада: ведь приложи они хоть чуточку больше сил, эта жирная грудинка и серебро достались бы им! Остальные тоже притихли, прикидывая: если за одну декаду дают столько добра, то за месяц усердного труда можно скопить на постройку избы! От таких мыслей соперничество вспыхнуло с новой силой.

Авторитет уездного судьи взлетел до небес. А на следующее утро, как и было велено, Чжан Жун пустил в ход новую порцию слухов.

<http://bllate.org/book/19045/1917555>